

СТРАНЫ, НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ STATES, NATIONS AND CULTURES

Научная статья

УДК: 93/94

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.4.8

Советский город эпохи нэпа как пространство досуга

Сидорчук Илья Викторович ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

✉ sidorchuk_iv@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>

Цимерман Евгения Александровна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

tsimerman_ea@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5214-6165>

Аннотация. 1920-е гг. в отечественной истории известны как время попыток реализации уникальных социальных экспериментов, тотального ревизионизма устоявшихся норм и ценностей. Свои трансформации претерпела и досуговая культура, внимание к которой со стороны власти объяснялось стремлением использовать время отдыха трудящихся для воспитательной, идеологической и культурно-просветительской работы. Основным пространством для нее служили города, в период новой экономической политики представлявшие собой места удивительного соседства старой и новой культуры, эстетики, повседневных образов и типажей. В настоящей статье советский город 1920-х гг. рассмотрен как пространство досуга, в котором должен был формироваться новый советский человек. Показано как, для чего и кого оно создавалось, и каким образом меняло город и жизнь его населения. Методологическим ориентиром при подготовке статьи стали положения «новой городской истории», что позволило, в отличие от классической исторической урбанистики посмотреть на город с оригинального ракурса, в частности, как на коммуникативное и досуговое пространство. Кроме этого, был задействован традиционный для исторических работ набор специально-исторических методов: историко-сравнительный, проблемно-хронологический, синхронизации и др. Источниковую базу исследования составили неопубликованные материалы агитационно-пропагандистской и культурно-воспитательной работы в различных регионах страны. Также активно привлекались материалы периодической печати, публицистика, художественная литература. В результате исследования был сделан вывод о том, что советская власть, признавая отсталость огромных масс населения, брала на себя роль культуртрегера,

колонизирующего и улучшающего, согласно своим представлениям, городское пространство и его жителей. Именно досугу при этом отводилась значимая роль: свободное время советского горожанина должно было наполняться исключительно культурным, разумным досугом. Праздники позволяли символически «покорять» пространство центра, до этого недоступное жителю заводской окраины, экскурсии знакомили с культурным наследием, сады и парки зазывали возможностью отдыха на свежем воздухе и пр. При этом, как и до революции, город оставался опасным местом испытаний для вчерашних крестьян. Он все еще противопоставлялся деревне, но отныне не только грозил бедностью, болезнями, моральным падением и маргинализацией, но и мог спасти из сетей мещанства и воспитать классовую сознательность, в том числе и через культурный досуг.

Ключевые слова: история досуга; история повседневности; новая городская история; новая экономическая политика; историческая урбанистика

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 22-28-20225, и гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 63/2022.

Для цитирования: Сидорчук И.В., Цимерман Е.А. Город эпохи нэпа как пространство досуга // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 117–135. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.8.

© Сидорчук И.В., Цимерман Е.А., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 93/94

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.4.8

Soviet City of the NEP Era as a Leisure Space

Iliа V. Sidorchuk ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ sidorchuk_iv@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>

Evgenia A. Tsimerman

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
tsimerman_ea@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5214-6165>

Abstract. *The 1920s are known in Russian history as a time of attempts to implement unique social experiments, total revisionism of established norms and values. Leisure culture has also undergone its transformations, the attention to which on the part of the authorities was explained by the desire to use the rest time of workers for educational, ideological and cultural work. The main space for it was cities, which during the period of the new economic policy were places of amazing neighborhood of old and new culture, aesthetics, everyday images and types. In this article, the Soviet city of the 1920s is considered as a leisure space in which a new Soviet man was to be formed. It shows how, for what and by whom it was created, and how it changed the city and the life of its population. The methodological guidelines for the preparation of the article were the ideas of the “new urban history”, which allowed, unlike classical historical urban*

studies, to look at the city from an original perspective, in particular, as a communicative and leisure space. In addition, a set of special historical methods, traditional for historical works, was used: historical-comparative, problem-chronological, synchronization, etc. The source base of the study was made up of unpublished materials of propaganda and cultural and educational work in various regions of the country. Periodicals, journalism, and fiction were also actively involved. As a result of the study, it was concluded that the Soviet government, recognizing the backwardness of the vast masses of the population, assumed the role of a cultural trader, colonizing and improving, according to its ideas, the urban space and its inhabitants. It was leisure that was given a significant role in this: the free time of a Soviet citizen had to be filled exclusively with cultural, reasonable leisure. Holidays made it possible to symbolically “conquer” the space of the center, previously inaccessible to a resident of the factory outskirts, excursions were introduced to cultural heritage, gardens and parks were touted with the opportunity to relax in the fresh air, etc. At the same time, as before the revolution, the city remained a dangerous testing place for yesterday’s peasants. It was still opposed to the countryside, but from now on it not only threatened poverty, disease, moral decline and marginalization, but could also save from the networks of philistinism and foster class consciousness, including through cultural leisure.

Keywords: history of leisure; history of everyday life; new urban history; new economic policy; historical urbanism

Funding: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-20225, и гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 63/2022.

For citation: Sidorchuk, I.V., Tsimerman, E.A. The City of the NEP Era as a Leisure Space. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 117–135. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.8.

© Sidorchuk, I.V., Tsimerman, E.A., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Важной вехой в западной исторической урбанистике стало появление в 1960-е гг. такого направления, как «новая городская история». В отличие от традиционной «истории городов», представлявшей собой хронику местных событий, детальное описание меняющегося характера городской застройки или демографической структуры населения, «новые» городские историки обратились к «истории в городах», что привело к расширению проблематики исследований. В центре внимания оказались города как детища промышленного переворота и индустриализации (структура такого города и образ жизни горожан выстроены вокруг промышленного производства), как политическое пространство (арена сотрудничества и конфликтов власти и общества), как антропологический феномен (различные городские сообщества – от элиты до маргиналов), как

идеальное хранилище культурной и исторической памяти, как коммуникативное пространство (от системы внутригородского транспорта до формирования городской медиасреды) и пр. Историков интересует, как люди взаимодействуют с городом, и как это взаимодействие влияет на их жизненные стратегии, индивидуальный опыт и пр. [1–4; 5, с. 23–28].

На отдельное внимание при этом может претендовать феномен изменения городов в социалистических странах в XX в. Французский социолог и философ марксистского толка А. Лефевр, анализируя его, заметил: «Революция, не производящая нового пространства, не идет до конца; она терпит крах; она меняет не жизнь, а лишь идеологические надстройки, институции, политические аппараты. Революционное преобразование проверяется своей способностью творить в повседневной жизни, в языке, в пространстве – не обязательно одновременно и в равной степени» [6, с. 67]. В рамках настоящего исследования предпринята попытка обращения к советскому городу 1920-х гг. как пространству досуга, через который должен был проходить процесс перевоспитания, «перековки», создания «новых» людей, должных навсегда распрощаться с буржуазным наследием и пережитками.

В капиталистическом городе рабочим отводилось место социальных низов, поэтому большевики видели в нем в первую очередь зло. Он был местом финансового закрепощения, буржуазных пороков и социальных контрастов. При этом невозможно было отрицать его роль как экономического и культурного центра. Город был угрозой, но и давал новые возможности. Как писал Э. Дюркгейм, «цивилизация концентрируется в больших городах; самоубийство тоже» [7, с. 253]. В связи с этим для новой власти представлялась актуальной задача как преображения города, так и ликвидации разрыва между городом и деревней, что являлось одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости последней.

Материалы и результаты исследования

В предреволюционный период в России проходило складывание общества индустриального типа, неотъемлемым признаком которого являлся высокий уровень урбанизации. Массовый приток населения привел к появлению новых проблем, связанных с распространением в городской среде

носителей иного, сельского образа мыслей и психологии. При этом «требовавший от них вежливого обращения “город” сам не спешил придерживаться тех же правил по отношению к ним» [8, с. 42]. Постоянный контроль, отсутствие деревенской вольницы, экономическая и социальная дискриминация приводили к неудовлетворенности своим положением, конфликтам и формированию соответствующего отношения к городу в целом. В крупных городах особенно остро чувствовалось классовое неравенство, широкое распространение получали проституция, хулиганство, пьянство, сексуальные девиации, различного вида мошенничества, не говоря уже о тяжелой санитарной ситуации и многочисленных жилищных проблемах [9, с. 18–19; 10, с. 47–56; 11; 12; 13; 14].

Новая власть, признавая отсталость огромных масс населения, брала на себя роль культуртрегера, колонизирующего и улучшающего, согласно своим представлениям, городское пространство и его жителей. С.М. Киров обозначил это следующим образом: «Мы много и часто говорим, и правильно говорим, что на нашу долю выпала почетная историческая роль – переработать, перевоспитать старого человека, сделать из него нового человека, достойного современной эпохи» [15, с. 458]. Для полноценного чувства радости от жизни в обновляемом и перестраиваемом пространстве требовался достаточный объем свободного, досугового времени. В связи с этим после октября 1917 г. вопросу его предоставления и организации стало уделяться пристальное внимание.

Последовательное сокращение времени труда и увеличение времени отдыха советская власть считала одной из своих первоочередных задач, и после ее реализации – одним из своих важнейших завоеваний. При этом предлагаемый досуг стоило рассматривать «как продолжение трудового дня, с его производственной и идеологической составляющими», или как его предварительный этап [16, с. 85–86]. Таким образом, рабочее время и время рабочего переставали носить антагонистический характер, а наоборот, дополняли друг друга – первое становилось основой второго [17]. Государство, в свою очередь, стало активно вмешиваться в процесс складывания досуговых практик трудящихся, став основным инициатором их трансформации и регулирования.

Для городской повседневности одним из наиболее ярких следствий этого стала организация массовых празднеств, захватывавших ее с первых

послереволюционных лет [18]. Одной из задач этих мероприятий было символическое покорение городского центра – традиционного места проживания привилегированных слоев населения и недоступного для жителя окраины досуга. Дореволюционные рабочие кварталы были практически отдельными поселениями, жители которых не имели достаточно возможностей полноценно наслаждаться красотой, величием и энергией большого города.

По замечанию С.Ю. Малышевой, «революционные празднества стали своеобразными упражнениями, которые помогали широким массам адаптироваться в этом чуждом для них пространстве, приучали их смотреть на него как на свое, присваивать и активно изменять само это пространство центра» [19, с. 183–184]. Кроме того, это был способ превращения города в сцену для политической репрезентации, «приобщения к политической жизни новых слоев рабочего класса, пролетарской молодежи», легитимации власти большевиков и создания новой символической реальности, формирующей коллективную идентичность [20, с. 23, 51, 67, 119. 130]. После шествий и демонстраций праздничный день мог сопровождаться различными постановками и гуляниями, организовывавшимися в разных районах города [21]. Разумеется, это требовало массу средств, которых весьма часто элементарно не хватало, особенно в регионах. В связи с этим представляется показательным постановление Новгородского губкома ВЛКСМ о проведении комсомольского рождества в 1922 г.: «Средства для проведения в сумме 300 тысяч рублей во что бы то ни стало и где бы то ни было достать» [22, л. 1 об.]. Параллельно проходил процесс конфискации квартир богатых горожан и вселения в них «наиболее ценных» в социалистическом плане жильцов, преследовавший цель разрушение иерархической кольцевой структуры города. В Москве в результате подобной политики «число рабочих в пределах Садового кольца выросло в 1917–1920 гг. с 5 до 40–50 %, т.е. почти в 10 раз» [23, с. 288–290].

Подобный «захват» городского центра в 1920-е гг. проходил весьма сложно. Во-первых, созданию новой символической реальности мешал сложившийся до революции архитектурный облик. В первые послереволюционные годы невозможно было предложить город «без истории». Другим фактором была новая экономическая политика. Как

было сказано в Проекте предложений Президиума ЦКК II пленуму ЦКК РКП(б) 1924 г. «О партэтике», «период нэпа таит в себе опасности» [24, с. 160]. Частичный возврат к капитализму привел не к изживанию пережитков, а их возрождению [25]. Магазины, рестораны и различные развлекательные заведения подчас являлись прямыми наследниками дореволюционных и существовали в тех же локациях. Иллюзия возврата к старым временам подчеркивалась и в их рекламе: «Кухня известных кулинаров быв. ресторана “Яр”»; «Ресторан “Шато де-Флер”. Вновь отремонтирован. Уютные кабинеты»; «Ресторан-кабарэ “Аванс”. Заново отремонтированный зал и кабинеты»; «Вновь открыт прежний ресторан Мавритания. Первоклассная кухня старых Мавританских поваров» [26].

Показательный сюжет встречаем в сценарии агитационного (инсценированного) суда над самогонщиками. Подобные постановки в 1920-е гг. активно использовались в культработе. Жертва – Антон Петухов, отец семейства, который после переезда в Петроград из Полтавы стал «крепко» пить. В условиях сухого закона в дело шли суррогаты, из-за чего его дочка родилась с наследственным слабоумием. 16-летний сын в большом городе отбил от рук, начал нюхать кокаин. После потери в чайной «Веселый уголок» за Московской заставой чужих денег Петухов кончает с собой. В воровстве и торговле некачественным алкоголем обвиняется хозяин чайной, Тихон Петрович Карпов, 45 лет, из бывших официантов, окунувшийся в «культуру» лакейства и кутящей офицерщины». В речи обвинителя звучат следующие слова: «Если бы он открыл свой притон в шикарном помещении с зеркальными окнами где-нибудь в центре, среди богатых кварталов, мы бы не возражали, или возражали бы очень мягко. Пусть разорет героев минуты, разжиревших нэпманов – туда им и дорога! Но он поселился в самом центре рабочего района, он распустил свою паутину среди наших братьев по духу, он соблазняет еще не окрепших и не одолевших в себе мещанства рабочих, строителей нового мира – и этого преступления мы ему простить не можем, не смеем» [27, с. 35, 37, 44].

Особенно власть волновало, что эти значные места притягивали к себе рабочих и молодежь – главных объектов проводившейся культработы. Ее организаторам были очевидны причины этого: «Нэповские предприниматели учитывают психологию рабочего и в первую очередь

стремятся предоставить ему хотя бы самый элементарный комфорт. И не следует закрывать глаза на то, что рабочий сам, а иногда и с женой, попадаются на “нэпманскую” удочку» и проводят «часы досуга в обстановке далеко не полезной ни для него, ни для его семьи» [28, с. 59].

Социальным злом, прочно ассоциировавшимся с городской культурой, была проституция. Ее переход на нелегальное положение сказался на изменении мест поиска проституток и свиданий с ними. После революции возможностей провести время с комфортом стало намного меньше, даже в условиях торжества нэпа. Широко была развита уличная проституция, ставшая основной формой сексуальной коммерции. Показательно, что согласно проведенному в 1926 г. исследованию по сравнению с позднеимперским периодом число заражений сифилисом от проституток «при половом обращении под открытым небом (улица, бульвар, сад, лес и проч.)» участилось более чем в восемь раз [29]. В каждом городе были свои места, куда отправлялись в поисках продажной любви. Например, в Краснодаре – это центральная Красная улица в районе между Базарной и Ленинской, в Новороссийске – городской рынок [30, с. 98; 31, с. 23]. Во Владикавказе таким местом был Пролетарский бульвар [32, с. 21]. В Ульяновске – улица Карла Маркса от угла Чебоксарской улицы до Ленинской [33]. Москва славилась Хитровкой – районом Хитрова рынка. В Томске это был Мухин бугор, а в Нижнем Новгороде – Кунавинская слобода [34, с. 90]. В Пензе проституток легче всего было найти на Московской улице, в Ростове-на-Дону – на Таганрогском проспекте и улице Ф. Энгельса (бывшей Садовой) [35, с. 83]. В Саратове за районом берега Волги возле Бабушкинского взвоза закрепилось название «Саратовская Хитровка», где наряду с проститутками концентрировались мошенники и преступники [36, с. 46].

Свободное время нового советского горожанина должно было наполняться исключительно культурным, разумным досугом. На его устройство были брошены усилия профсоюзов, Наркомпроса, общественных организаций, печати. Спектр предлагаемых ими досуговых практик был необычайно широк, начиная от культпоходов в театры и подвижных игр и заканчивая «проработками» произведений советских писателей и политбоями [37]. Одним из наиболее востребованных у населения и поддерживаемых властью развлечений было кино,

становившееся важным инструментом продвижения новой идеологии [38, с. 97–98; 39, с. 63–64; 40]. Разумеется, достойное место в нем уделялось и советскому городу, который все еще являлся местом испытаний для новых жителей, но должен был перевоспитывать их. Типичный и в наши дни сюжет о приезде провинциала в столицу в поисках счастья и успеха в советском кино 1920-х гг. дополнялся характерными деталями. В таких картинах, как «Катюша – бумажный ранет» (1926 г., реж. Э. Иогансон и Ф. Эрмлер), «Дом на Трубной» (1928 г., реж. Б. Барнет), «Девушка с далекой реки» (1928 г., реж. Е. Червяков) наивные и неискушенные девушки из деревень становятся жертвами зла и пороков большого города. Их спасает лишь включение в пролетарские ряды – работа на фабрике, общественная деятельность и пр.

Деталью, которая пугала и поражала всех пребывавших из деревни в город в 1920-е гг., как в кино, так и в реальности, была повсеместность техники. Она окутала его проводами, перерезала улицы и проспекты трамвайными путями, озвучила день автомобильными гудками и звуками радио, осветила электричеством ночь. Чрезмерное возвышение машинной эстетики в целом было характерно для искусства этой эпохи энергии и смелости. Она показана Д. Вертовым в «Человеке с киноаппаратом», озвучена А. Авраамовым в его «Симфонии гудков», изображена А. Родченко в его работах, иллюстрирующих идею «верхнего фасада» города. Технизация повседневного пространства должна была пониматься нормой для человека будущего, но зловещим символом для «бывших», способствуя их отчуждению от города. Одновременно рабочий из угнетаемого становился потребителем всех многочисленных благ, предоставляемых ему научно-техническим прогрессом. Вот какой Москву XXI в., город «счастливого человечества», видел молодой архитектор-мечтатель Василий Буженинов из рассказа А.Н. Толстого «Голубые города» (1925 г.): «Вся нервная система города перенесена под землю. Дурной воздух из домов уносился вентиляторами в подземные камеры-очистители. Под землю с сумасшедшей скоростью летели электрические поезда, перебрасывая в урочные часы население города в отдаленные районы фабрик, заводов, деловых учреждений, школ, университетов... В городе стояли только театры, цирки, залы зимнего спорта, обиходные магазины и клубы – огромные здания под стеклянными куполами» [41, с. 7].

То есть согласно мечтаниям героя, в пространстве старого города должны были остаться только места для пассивного и активного досуга.

Стоит отметить, что среди рабочих существовал реальный запрос на улучшение уровня культурно-просветительской работы. Многие жаловались на недоступность театров, малое число книг в библиотеках, качество показываемых кинолент. Наказы избирателей, собранные при перевыборах советов Ленинграда в 1927 г., показывают, что самыми распространенными запросами в этой области среди них были усиление и углубление культурно-просветительской работы в клубах и домпросветах, увеличение числа профсоюзных билетов в театры и кино и радиофикация городских окраин [42, с. 17]. Власть усиленно стремилась к тому, чтобы содержание «различных форм массовой работы и их качество отвечали запросам рабочего» [43], и при этом они должны быть не только идеологически правильными, но также интересными и востребованными.

В рамках использования городской территории пристальное внимание уделялось устройству открытых пространств, выполнявших не только рекреационные, но и идейно-воспитательные функции. Старые сады и парки, либо недоступные для низших слоев, либо воспринимаемые как места примитивных и вредных для горожан развлечений, должны были навсегда уйти в прошлое. Новыми зонами отдыха на закате нэпа становились парки культуры и отдыха – «комбинаты культурно-политической работы», «фабрики переделки сознания», «рассадники социалистической культуры» [20, с. 23]. Образцом для них стал Парк культуры и отдыха Горького в Москве. По замечанию К. Шоу, общественное пространство отныне определялось через дисциплину и самоконтроль, место исключительно культурного досуга, дарящего здоровье и просвещение [44, р. 327–328]. И время работы, и время отдыха было призвано способствовать всестороннему развитию личности и диктуемым сверху поведенческим нормам. В этих пространствах должна была формироваться классовая сознательность и новая коллективная идентичность. Например, с целью отхода от буржуазной эстетики культивировались советские танцы и устраивались концерты оркестров народных инструментов, организовывались представления на актуальные политические темы от пролетарских рабочих художественных кружков.

Неизменными были выступления физкультурников, пропагандировавших здоровый образ жизни [45; 46].

Массовая клубная и спортивная работа летом активно переносилась на улицу. Это делалось не только из-за пользы свежего воздуха, но и возможности сделать ее открытой и публичной. Партийные органы, отвечавшие за агитацию и пропаганду, при этом требовали вносить в нее «важнейшие вопросы политики партии». Например, в 1927 г. Нижегородский райком среди таковых указывал снижение цен, борьбу с бюрократизмом, рационализацию аппарата, популяризацию работ сберкасс, вопросы Китайской революции и революционного движения на Западе. Также во всю массовую летнюю работу было необходимо вносить итоги 10-летия революции, «стремясь их показать наглядно и убедительно» [47].

Одной из форм культработы, позволявшей по-новому показать и объяснить город, являлись экскурсии. Они не просто знакомили с его настоящим и прошлым, но и утверждали идеологические ориентиры новой власти, воспитывали пролетарское сознание. Повышенное внимание было обращено на организацию экскурсий, тематически связанных с революционными событиями, что было призвано закрепить в сознании новые места памяти. С началом индустриализации акцент все больше делался на производственных экскурсиях – на заводы, фабрики, стройки, где демонстрировались достижения советской промышленности. Рекомендовалось сопровождать их беседами, тем самым способствуя большему вовлечению слушателей. Отсутствие подобного «политического содержания» или неправильное его отражение по возможности выявлялось, причем не только через проверки, но и обратную связь с самими экскурсантами [48].

Стоит отметить, что, несмотря на все успехи, к концу 1920-х гг. организаторы культработы периодически констатировали недостаточную воспитательную роль клубов «для новых слоев рабочих, тесно связанных с деревней, не привыкших к коллективизму и не вырвавшихся из индивидуально-мещанской обстановки – пивной, церкви, хождения в гости и т.п.» [49]. Новые волны мигрантов в город требовали постоянного улучшения методов их интеграции в сообщество сознательных рабочих – промышленные районы должны были стать родными для вчерашних

крестьян. Клубы позволяли максимально приблизить культпросвещение к месту работы и жительства. В символическом ландшафте рабочей окраины они постоянно противопоставлялись пивным – главным и самым доступным местам отдыха работников заводов и фабрик.

Заключение

Именно город являлся наиболее удобным пространством перековки, ведь «нигде традиции не имеют так мало влияния на умы» [7, с. 304]. Не будучи идеальным местом для отдыха рабочего в капиталистической России, в новых условиях провозглашения пролетариата привилегированным классом страны он нуждался в полном преобразовании. Рабочий должен был стать его новым хозяином, но при этом не пасть жертвой пагубного влияния нэпа, позволившего обогащаться «бывшим» и вернуть в повседневное пространство видимые свидетельства мещанских пороков. Город все так же был местом испытаний для вчерашних крестьян и так же сильно противопоставлялся деревне, но отныне был не только местом, грозившим бедностью, болезнями, моральным падением и маргинализацией, но и способным спасти из сетей мещанства и воспитать классовую сознательность, в том числе и через культурный досуг.

Разрушению пространства классического города, становившегося местом уникального модернизационного эксперимента, способствовала техника. Активно поддерживаемое и популярное у населения кино («электрический театр») транслировало новый образ города как места преобразования личности. В нем вчерашние крестьяне изживали элементы отсталости и аполитичности, превращаясь в ревностных адептов пролетарской идеологии. На это была направлена и вся культмассовая работа. Праздничные шествия тружеников «захватывали» городской центр. Посетители парков становились объектами комплексной воспитательной работы, встроенной в систему политической пропаганды. Экскурсии в обязательном порядке включали в себя дискредитацию прошлого и идею создания новых символических ориентиров – памятников борцам с угнетателями, заводов, мест революционной славы. Новый культурный ландшафт создавался не только в центре, но и на периферии. На место пивной там должен был прийти клуб, предлагавший

культурный и рациональный отдых, воспитывавший нового человека. Заводские окраины благодаря массовой работе домов и дворцов культуры должны были стать новыми культурными центрами, образцовыми районами, лишёнными мрачного наследия прошлого. Несмотря на всю энергию, последовательность и успехи, эта работа так и осталась незавершённой. Понимание этого, впрочем, не развенчивало в глазах искренних сторонников переделки мира идею о ее неизбежном достижении в будущем, пускай и не очень близком.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schnore, L.F. (Ed.) *The New Urban History. Quantitative Explorations by American Historians*. Princeton University Press, 1975. 284 p.
2. Thernstrom, St. *Reflections on the New Urban History // Daedalus*. 1971. Vol. 100. № 2. P. 359–375.
3. Sharpless, J. Review: *In Search of Community: A New Theme for the Old “New” Urban History. Reviewed Work(s): The Urban Threshold: Growth and Change in a Nineteenth-Century American Community*. by Stuart Blumin // *Reviews in American History*. 1977. Vol. 5. № 2. P. 215–222.
4. Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города // Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. 820 с.
5. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ, 2009. 282 с.
6. Лефевр А. *Производство пространства*. М.: Strelka press, 2015. 405 с.
7. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда*. М.: Канон, 1996. 430 с.
8. Аксенов В.Б. *Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918)*. М.: НЛЮ, 2020. 984 с.
9. Синова И.В. *География Санкт-Петербурга на рубеже XIX–XX вв. с точки зрения проявления девиаций // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции*. СПб., 2019. С. 17–22.
10. Хили Д. *Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства*. М.: Ладомир, 2008. 620 с.
11. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. *Проституция в Петербурге. 40-е гг. XIX – 40-е гг. XX вв.* СПб.: Прогресс-Академия, 1994. 219 с.
12. Агафонова А.Б. *Санитарные попечительства в дореволюционной России // Уральский исторический вестник*. 2021. № 1(70). С. 30–38.
13. Шерстнева Е.В. *Благоустройство городов и санитарный надзор в России в конце XIX – начале XX века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2015. Т. 23. № 2. С. 52–56.
14. Демидович Д.М. *Арендные и субарендные отношения в петербургских доходных домах конца XIX – начала XX веков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2014. Т. 4. № 4. С. 26–33.
15. Киров С.М. *К новым боям и победам! (Из доклада на I Ленинградской городской партконференции 12 декабря 1931 года) // Киров С. М. Избранные статьи и речи*. 1912–1934. Л., 1939. С. 458–473.

16. Костюрина Н.Ю. Новый город как модель советской культуры. Дисс. на соиск. уч. ст. д-ра культурологии. СПб.: [Б. и.], 2006. 375 с.
17. Иткинд Г., Горчаков Б. Бюджет времени рабочего в СССР // Вопросы профдвижения. 1933. № 7. С. 23–24.
18. Годунов К.В. «Красная Пасха»: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 256 с.
19. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутена, 2005. 339 с.
20. Барышева Е.В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: Изд-во РГГУ, 2020. 192 с.
21. Протокол № 6 Заседания Губклубной комиссии РЛКСМ от 28 апреля 1925 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-601К. Оп. 1. Д. 637. Л. 10.
22. Протокол Заседания Агиткомиссии при Губкоме РКП(б) по проведению Комсомольского Рождества от 19.12.22 г. // Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 261. Оп. 1. Д. 216. Л. 1–1 об.
23. Орлов И.Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). М.: Изд. Дом Высш. Школы экономики, 2015. 335 с.
24. О партэтике. Проект предложений Президиума ЦКК II пленуму ЦКК РКП(б) // Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989. С. 151–169.
25. Ульянова С.Б., Сидорчук И.В. «За что боролись?»: герои Гражданской войны в «угаре нэпа» // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 424–440.
26. Зрелища. 1922. № 6. С. 33–34, 38, 40.
27. Василевская Л.А., Василевский Л.М. Суд над самогонщиками. Инсценировка. Тверь: Октябрь, 1923. 52 с.
28. Любинский З. О «мелочах» клубной работы // Вестник профсоюзов. 1924. № 1(16). С. 59–61.
29. Гернет М. К статистике проституции // Статистическое обозрение. 1927. № 7. С. 86–89.
30. Нежигай Э.Н. Городская культура Кубани периода НЭПа. Краснодар: КСЭИ, 2010. 289 с.
31. Нежигай Э.Н. К проблеме девиантного поведения. Исторический аспект. (На примере Кубано-Черноморских городов в 20-е годы XX века) // Вестник Академии знаний. 2013. № 4. С. 22–26.
32. Джиникаева Д.О., Царикаев А.Т. Теневые стороны жизни северокавказского города в период нэпа (на примере г. Владикавказа) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 9–2. С. 16–23.
33. Гражданка. Ульяновские трущобы // Пролетарский путь. 1926. № 219 (1065). 26 сентября. С. 2.
34. Мирошниченко М.И. Проституция на Урале и борьба с ней в 1920–1935 годах. Челябинск: Цицеро, 2018. 230 с.
35. Панин С.Е. «Продажная любовь» в Советской России (1920-е годы) // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 78–108.
36. Ахметов А.А. Борьба с проституцией в Саратове в 1920–1930-е гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 4(60). С. 44–57.

37. Отчет о состоянии культурно-массовой работы ЛК ВЛКСМ по организации культурного досуга молодежи зимой 1932 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 598К. Оп. 1–2. Д. 4147. Л. 1–2.
38. Бойкова Т.Ю. «Стать культурным»: досуг ленинградских рабочих в конце 1920-х – 1930-е гг. // Вестник ЛГУ. Сер.: История. 2008. № 3. С. 93–106.
39. Спиридонова Л.Н., Федотова А.Ю. «От мрака к свету. От битвы к книге. От горя к счастью»: досуг городских жителей Среднего Поволжья в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 60–68.
40. Жданкова Е.А. Кинотеатры в СССР глазами зрителей: ожидания и повседневность в период нэпа (на материале анкетирования и социологических опросов, проведенных в кинотеатрах) // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 3(23). С. 136–143.
41. Толстой А.Н. Голубые города // Толстой А. Н. Голубые города. Рассказы. М.: Современник, 1988. С. 3–42.
42. Наказы избирателей. Перевыборы Советов Ленинграда и Ленинградской губернии 1927 года. Л.: Орготд. ГИК, 1927. 138 с.
43. Никич. Юр. Пути культурной работы // Ленинградский рабочий. 1928. № 3–4. С. 10.
44. Shaw, C. “A Fairground for ‘Building the New Man’”: Gorky Park as a site of Soviet acculturation // *Urban History*. 2011. Vol. 38. No. 2. P. 324–344.
45. Парк культуры и отдыха летом // Новый зритель. 1929. № 15(274). С. 12.
46. В. Народное гулянье на Ленинских горах // Физкультура и спорт. 1928. № 33. С. 3.
47. Протокол № 24 Заседания Агитколлегии Нижгоррайкома ВКП(б) от 8-го июня 1927 года. // Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 1220. Л. 40.
48. Письмо члена ЛГСПС тов. Рождественского с отзывом об экскурсии 14 ноября в Музей Быта (Шереметьевский особняк) // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-4621. Оп. 1. Д. 2241. Л. 39–39 об.
49. Александров Г. Объявляем смотр-соревнования массовой культурной работы в цехах // Ленинградский металлист. 1929. № 9. С. 14.

REFERENCES

1. Schnore, L.F. (Ed.) *The New Urban History. Quantitative Explorations by American Historians*. Princeton University Press, 1975. 284 p.
2. Thernstrom, St. *Reflections on the New Urban History. Daedalus*. 1971. Vol. 100. No. 2. P. 359–375.
3. Sharpless, J. Review: *In Search of Community: A New Theme for the Old “New” Urban History. Reviewed Work(s): The Urban Threshold: Growth and Change in a Nineteenth-Century American Community*. by Stuart Blumin. *Reviews in American History*. 1977. Vol. 5. No. 2. P. 215–222.
4. Istoricheskaya urbanistika: proshloye i nastoyashcheye goroda [Historical Urbanism: the Past and the Present of the City]. In *Sbornik nauchnykh statey Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (g. Surgut, SurGU, 14 noyabrya 2014 g.) [Collection of Scientific Articles of the All-Russian Conference with International Participation (Surgut, Surgut, November 14, 2014)]*. Kurgan: Kurganskiy dom pechaty, 2015. 819 p. (In Russ.).
5. Repina L.P. «Novaya istoricheskaya nauka» i sotsialnaya istoriya [“New Historical Science” and Social History]. Moscow: IVI, 2009. 282 p. (In Russ.).
6. Lefevr A. *Proizvodstvo prostranstva [The Production of Space]*. Moscow: Strelka press, 2015. 405 p. (In Russ.).

7. Dyurkgeym E. O razdelenii obshchestvennogo Truda [On the Division of Social Labor]. Moscow: Kanon, 1996. 430 p. (In Russ.).
8. Aksenov V.B. Slukhi, obrazy, emotsii. Massovyie nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii (1914–1918) [Rumors, Images, Emotions. Mass sentiments of Russians During the War and Revolution (1914–1918)]. Moscow: NLO, 2020. 984 p. (In Russ.).
9. Sinova I.V. Geografiya Sankt-Peterburga na rubezhe XIX–XX vv. s tochki zreniya proyavleniya deviatsiy [Geography of St. Petersburg at the Turn of the XIX–XX Centuries from the Point of View of the Manifestation of Deviations]. In *Prirodno-geograficheskiye faktory v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Natural and Geographical Factors in the Daily Life of the Population of Russia: History and Modernity. Materials of the International Scientific Conference]. St. Petersburg, 2019. P. 17–22. (In Russ.).
10. Khili D. Gomoseksualnoye vlecheniye v revolyutsionnoy Rossii. Regulirovaniye seksualno-gendernogo dissidentstva [Homosexual Attraction in Revolutionary Russia. Regulation of Sexual and Gender Dissidence]. Moscow: Ladimir, 2008. 620 s. (In Russ.).
11. Leбина N.B., Shkarovskiy M.V. Prostitutsiya v Peterburge. 40-ye gg. XIX – 40-ye gg. XX vv. [Prostitution in St. Petersburg. 40s of the XIX – 40s of the XX Centuries]. St. Petersburg: Progress-Akademiya, 1994. 219 s. (In Russ.).
12. Agafonova A.B. Sanitarnyye popechitelstva v dorevolyuetsionnoy Rossii [Sanitary Guardianship in Pre-Revolutionary Russia]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2021. № 1(70). P. 30–38. (In Russ.).
13. Sherstneva Ye.V. Blagoustroystvo gorodov i sanitarnyy nadzor v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Urban Improvement and Sanitary Supervision in Russia at the End of the XIX – Beginning of the XX Century]. *Problemy sotsialnoy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of Social Hygiene, Healthcare and the History of Medicine]. 2015. Vol. 23. № 2. P. 52–56. (In Russ.).
14. Demidovich D.M. Arendnyye i subarendnyye otnosheniya v peterburgskikh dokhodnykh domakh kontsa XIX – nachala XX vekov [Rental and Sublease Relations in St. Petersburg Apartment Houses of the Late XIX – Early XX Centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University Named after A. S. Pushkin]. 2014. Vol. 4. № 4. P. 26–33. (In Russ.).
15. Kirov S.M. K novym boyam i pobedam! (Iz doklada na I Leningradskoy gorodskoy partkonferentsii 12 dekabrya 1931 goda) [To New Battles and Victories! (From the Report at the I Leningrad City Party Conference on December 12, 1931)]. In: Kirov S. M. *Izbrannyye stati i rechi. 1912–1934* [Selected Articles and Speeches. 1912–1934]. Leningrad, 1939. P. 458–473. (In Russ.).
16. Kostyurina N.Yu. Novyy gorod kak model sovetskoy kultury. Diss. na soisk. uch. st. d-ra kulturologii [The New City as a Model of Soviet Culture. Diss. for the Academic Degree of the Doctor of Cultural Studies]. St. Petersburg: [B. i.], 2006. 375 p. (In Russ.).
17. Itkind G., Gorchakov B. Byudzhnet vremeni rabochego v SSSR [The Budget of the Worker's Time in the USSR]. *Voprosy profdvizheniya* [Questions of Professional Movement]. 1933. № 7. P. 23–24. (In Russ.).
18. Godunov K.V. «Krasnaya Paskha»: prazdnovaniye godovshchin Oktyabrya i politicheskaya kultura Grazhdanskoy voyny [“Red Easter”: Celebrating the Anniversaries of October and the Political Culture of the Civil War]. St. Petersburg: Izdatelstvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2023. 256 p. (In Russ.).
19. Malysheva S.Yu. Sovetskaya prazdnichnaya kultura v provintsii: prostranstvo, simvoly, istoricheskiye mify (1917–1927) [Soviet Festive Culture in the Province: Space, Symbols, Historical Myths (1917–1927)]. Kazan: Rutena, 2005. 339 p. (In Russ.).

20. Barysheva Ye.V. «V veselom grokhote, v ognyakh i zvonakh»: sovetskiy prazdnik v sotsialnom konstruirovaniy novogo obshchestva [“In a Cheerful Roar, in Lights and Bells”: a Soviet Holiday in the Social Construction of a New Society]. Moscow: Izd-vo RGGU, 2020. 192 p. (In Russ.).
21. Protokol № 6 Zasedaniya Gubklubnoy komissii RLKSM ot 28 aprelya 1925 g. [Minutes No. 6 of the Meeting of the Gubklub Commission of the RLKSM of April 28, 1925]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]. F. R-601K. Op. 1. D. 637. L. 10. (In Russ.).
22. Protokol Zasedaniya Agitkomissii pri Gubkome RKP(b) po provedeniyu Komsomolskogo Rozhdestva ot 19.12.22 g. [Minutes of the Meeting of the Agit Commission at the Gubkom of the RCP (b) on the Komsomol Christmas of 19.12.22]. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Novgorodskoy oblasti (GANINO)* [State Archive of the Modern History of the Novgorod Region]. F. 261. Op. 1. D. 216. L. 1–1 ob. (In Russ.).
23. Orlov I.B. Kommunalnaya strana: stanovleniye sovetskogo zhilishchno-kommunalnogo khozyaystva (1917–1941) [Communal Country: the Formation of the Soviet Housing and Communal Services (1917–1941)]. Moscow: Izd. Dom Vyssh. Shkoly ekonomiki, 2015. 335 p. (In Russ.).
24. O partetike. Proyekt predlozheniy Prezidiuma TsKK II plenumu TsKK RKP(b) [About Party Ethics. Draft Proposals of the Presidium of the Central Committee of the II Plenum of the Central Committee of the RCP(b)]. In *Partiynaya etika. Dokumenty i materialy diskussii 20-kh godov* [Party Ethics. Documents and Materials of the Discussion of the 20s]. Moscow: Izd-vo polit. lit-ry, 1989. P. 151–169. (In Russ.).
25. Ulyanova S.B., Sidorchuk I.V. «Za chto borolis?»: geroi Grazhdanskoj vojny v «ugare nepa» [“What Were You Fighting for?»: Heroes of the Civil War in the “Frenzy of the NEP”]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [The Modern History of Russia]. 2018. Vol. 8. № 2. P. 424–440. (In Russ.).
26. Zrelishcha [Circuses]. 1922. № 6. P. 33–34, 38, 40. (In Russ.).
27. Vasilevskaya L.A., Vasilevskiy L.M. Sud nad samogonshchikami. Instsenirovka [The Trial of Moonshiners. Staging]. Tver: Oktyabr, 1923. 52 p. (In Russ.).
28. Lyubinskiy Z. O «melochakh» klubnoy raboty [About the “Little Things” of Club Work]. *Vestnik profsoyuzov* [Bulletin of Trade Unions]. 1924. № 1 (16). P. 59–61. (In Russ.).
29. Gernet M. K statistike prostitutsii [On the Statistics of Prostitution]. *Statisticheskoye obozreniye* [Statistical Review]. 1927. № 7. P. 86–89. (In Russ.).
30. Nezhigay E.N. Gorodskaya kultura Kubani perioda NEPa [Urban Culture of the Kuban of the NEP Period]. Krasnodar: KSEI, 2010. 289 p. (In Russ.).
31. Nezhigay E.N. K probleme deviantnogo povedeniya. Istoricheskiy aspekt. (Na primere Kubano-Chernomorskikh gorodov v 20-ye gody XX veka) [On the Problem of Deviant Behavior. The Historical Aspect. (On the Example of the Kuban-Black Sea Cities in the 20s of the XX Century)]. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge]. 2013. № 4. P. 22–26. (In Russ.).
32. Dzhinikayeva D.O., Tsarikayev A.T. Tenevyeye storony zhizni severokavkazskogo goroda v period nepa (na primere g. Vladikavkaza) [Shadow Aspects of the Life of a North Caucasian City During the NEP Period (on the Example of Vladikavkaz)]. *Nauchnyye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific Problems of Humanitarian Research]. 2009. № 9–2. P. 16–23. (In Russ.).
33. Grazhdanka. Ulyanovskiye trushchoby [Ulyanovsk Slums]. *Proletarskiy put* [Proletarian Way]. 1926. № 219 (1065). 26 sentyabrya. P. 2. (In Russ.).

34. Miroshnichenko M.I. Prostitutsiya na Urale i borba s ney v 1920–1935 godakh [Prostitution in the Urals and the Fight Against it in 1920–1935]. Chelyabinsk: Tsitsero, 2018. 230 p. (In Russ.).
35. Panin S.Ye. «Prodazhnaya lyubov» v Sovetskoy Rossii (1920-ye gody) [“Selling Love” in Soviet Russia (1920s)]. *Vestnik Yevrazii [Bulletin of Eurasia]*. 2005. № 1. P. 78–108. (In Russ.).
36. Akhmetov A.A. Borba s prostitutsiyey v Saratove v 1920–1930-ye gg. [The Fight Against Prostitution in SARATOV in the 1920s – 1930s]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]*. 2021. № 4(60). P. 44–57. (In Russ.).
37. Otchet o sostoyanii kulturno-massovoy raboty LK VLKSM po organizatsii kulturnogo dosuga molodezhi zimoy 1932 g. [Report on the State of Cultural and Mass Work of the Komsomol on the Organization of Cultural Leisure of Youth in the Winter of 1932]. *TsGAIPD SPb [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]*. F. 598K. Op. 1–2. D. 4147. L. 1–2. (In Russ.).
38. Boykova T.Yu. «Stat kulturnym»: dosug leningradskikh rabochikh v kontse 1920-kh – 1930-ye gg. [“To Become Cultured”: Leisure of Leningrad Workers in the Late 1920s – 1930s]. *Vestnik LGU. Ser.: Istoriya [Bulletin of LSU. Ser.: History]*. 2008. № 3. P. 93–106. (In Russ.).
39. Spiridonova L.N., Fedotova A.Yu. «Ot mraka k svetu. Ot bitvy k knige. Ot gorya k schastyu»: dosug gorodskikh zhiteley Srednego Povolzhya v 1920-ye gg. [“From Darkness to Light. From Battle to Book. From Grief to Happiness”: Leisure of Urban Residents of the Middle Volga Region in the 1920s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]*. 2019. № 60. P. 60–68. (In Russ.).
40. Zhdankova Ye.A. Kinoteatry v SSSR glazami zriteley: ozhidaniya i povsednevnost v period nepa (na materiale anketirovaniya i sotsiologicheskikh oprosov, provedennykh v kinoteatrakh) [Cinemas in the USSR through the Eyes of the Audience: Expectations and Everyday Life During the NEP Period (Based on the Material of Questionnaires and Sociological Surveys Conducted in Cinemas)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of the Perm University. History]*. 2013. № 3(23). P. 136–143. (In Russ.).
41. Tolstoy A.N. Golubyye goroda [Blue Cities]. In: Tolstoy A. N. *Golubyye goroda. Rasskazy [Blue Cities. Stories]*. Moscow: Sovremennik, 1988. P. 3–42. (In Russ.).
42. Nakazy izbirateley. Perevybory Sovetov Leningrada i Leningradskoy gubernii 1927 goda [Instructions of Voters. Re-elections of the Soviets of Leningrad and Leningrad Province in 1927]. Leningrad: Orgotd. GIK, 1927. 138 p. (In Russ.).
43. Nikich. Yur. Puti kultraboty [Ways of Cultural Work]. *Leningradskiy rabochiy [Leningrad Worker]*. 1928. № 3–4. P. 10. (In Russ.).
44. Shaw, C. “A Fairground for ‘Building the New Man’”: Gorky Park as a site of Soviet acculturation. *Urban History*. 2011. Vol. 38. № 2. P. 324–344. (In Russ.).
45. Park kultury i otdykha letom [Park of Culture and Recreation in Summer]. *Novyy zritel [New Spectator]*. 1929. № 15(274). P. 12. (In Russ.).
46. V. Narodnoye gulyanye na Leninskikh Gorakh [Folk Festivities on the Lenin Hills]. *Fizkultura i sport [Physical Culture and Sport]*. 1928. № 33. P. 3. (In Russ.).
47. Protokol № 24 Zasedaniya Agitkollegii Nizhgorraykoma VKP(b) ot 8-go iyunya 1927 goda [Minutes No. 24 of the Meeting of the Campaign Committee of the Nizhgorraikom of the CPSU(b) dated June 8, 1927]. *Gosudarstvennyy obshchestvenno-politicheskiy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti (GOPANO) [State Socio-Political Archive of the Nizhny Novgorod Region]*. F. R-32. Op. 1. D. 1220. L. 40. (In Russ.).
48. Pismo chlena LGSPS tov. Rozhdestvenskogo s otzyvom ob ekskursii 14 noyabrya v Muzei Byta (Sheremetyevskiy osobnyak) [Letter from a Member of the LGSPC Comrade. Rozhdestvensky with a Review of the Excursion on November 14 to the

Museum of Everyday Life (Sheremetyevo Mansion)]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb)* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. R-4621. Op. 1. D. 2241. L. 39–39 ob. (In Russ.).

49. Aleksandrov G. Obyavlyayem smotr-sorevnovaniya massovoy kultraboty v tsekhakh [We Announce the Review-Competitions of Mass Cultural Work in the Workshops]. *Leningrad Metallist* [Leningrad Metallist]. 1929. № 9. P. 14. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Сидорчук Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-9760-2443

Цимерман Евгения Александровна – кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы лингводидактики и перевода Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: tsimerman_ea@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-5214-6165

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Sidorchuk Ilya V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-9760-2443

Tsimerman Evgenia A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Higher School of Linguodidactics and Translation, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: tsimerman_ea@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-5214-6165

Authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.11.2023. Одобрена после рецензирования 12.11.2023. Принята 20.11.2023.
Received 06.11.2023. Approved after reviewing 12.11.2023. Accepted 20.11.2023.*